

...СЕМЬ КРУГОВ БЕСПОКОЙНОГО ЛАДА

После долгих уговоров и объяснений Александр Башлачев, наконец, согласился записать свои песни в одной из студий ВГИКа. Все было готово для съемок, но как на грех накануне в студийном павильоне возник пожар, и запись пришлось отложить. Вечером следующего дня Саша уехал в Ленинград. А вскоре оттуда пришло трагическое известие: Башлачев выбросился из окна восьмого этажа. И сразу же вспомнился короткий эпизод нашей давней встречи — на вопрос: «А чего же собственно ты хочешь?» — он с

улыбкой ответил: «Я хотел бы быть ветром...»

«Талант всегда пробьет себе дорогу» — такая формула стала широкоизвестной, оптимум ни к чему не обязывающей. Но мне думается, талант и не должен уметь пробиваться. Конечно, иногда эти качества совмещаются и художник вынужден быть бойцом. Но сколько талантов загублено в давке...

А. Башлачев тоже никогда не пытался пробиться, напечататься, записаться на фирме «Мелодия», можно сказать, что он был равнодушен к официальному успеху. Ответным равнодушием платили ему органы культуры, издательства, студии грамзаписи, радио, кино, телевидение. «Непрофессиональный» автор (как Б. Гребенщиков, М. Науменко, Ю. Шевчук...) просто не укладывался в существующие структуры, многочисленные положения, инструкции. Но, к счастью, научно-техническая революция XX века создала возможность для широкого распространения аудио-средств, магнитофоны (пусть с худшим, чем на профессиональных студиях качеством) обеспечили тиражирование любительских записей. Возникла парадоксальная ситуация, при которой ни разу не переданные по радио, не показанные по телевидению произведения и их авторы становились известными в стране и за ее пределами.

Так же спокойно вошел в контекст нашей культуры А. Башлачев. Сегодня сохранились его записи на магнитофонных катушках, где слышен живой голос, с болью, сомнениями, страстью сказавший о нас с вами, о нашем времени и нашей жизни. Остались фотографии, нередко плохие по качеству, слабые, непрофессиональные по технике видеозаписи. Осталось и чувство щемящей боли, неясной вины, любовь и тайна его смерти.

Александр Башлачев родился в Череповце. Окончил Уральский университет, факультет журналистики. Учась в университете, играл с местными рок-группами. Написал несколько песен для свердловской группы «Наутилус Помпилиус», тогда еще никому не известной. (Магнитоальбом «Али-баба и сорок разбойников», 1982.)

После окончания университета начал работать в череповецкой газете «Коммунист». Через полгода оставил место службы, отдавая все силы сочинительству и выступлениям на концертах. Жил в Ленинграде и Москве, ездил с гитарой по стране.

А. Башлачев поразительным образом совмещает в своем творчестве традиции русской поэтической мысли, фольклорные корни и современные новации в части содержания и формы.

Он одновременно документален и художествен. Метафора в его сочинениях возникает из сочетания фактов и деталей. В его песни нужно вживаться. Это целый космос, имеющий множество оттенков, голосов, ведущих диалог друг с другом и слушателем. Поражает дар Башлачева простыми словами сказать о многом, о вечном и глубоко личном, почти интимном.

Образ часто возникает между строк. Отсюда несколько планов, слоев, кругов. Первый круг — буквальный, вещественный и зримый. Его строки, как картины, отпечатываются в сознании, они имеют звук, свет и цвет. И все это словно движется в пространстве, где меняется местность, где живое дается через внутреннее состояние.

Звенели бубенцы

И кони в жарком мыле

Тачанку пронесли навстречу целине

Тебя, мой бедный друг, в тот вечер ослепили

Два черных фонаря под выбитым пенсне...

(«Петербургская свадьба»)

Второй круг, можно сказать, философский, но возникающий на сетке тончайших ассоциаций.

Сегодня город твой стал праздничной открыткой,

Классический союз гвоздики и штыка.

Заштопаны тугой, суровой, красной ниткой

Все бреши твоего гнилого сюртука.

(«Петербургская свадьба»)

Многомерность, неоднозначность поэтики А. Башлачева характерны для искусства XX века. Монолог у Башлачева всегда направлен на отклик, на ответную реакцию. Автор не навязывает слушателю свое отношение, а ставит его перед загадкой, заставляет размышлять, понимать и чувствовать художественный образ.

По тетрадам А. Башлачева можно проследить процесс поисков структуры, темпо-ритмической интонации будущей песни. Некоторые строки пропускаются, отсутствуют слова, рифма свободно гуляет сверху вниз. А следующий вариант, на другой странице более полный, измененный. Почти ничего не зачеркивается, песня словно проявляется на бумаге, проступает как изображение на фотографии. Кажется, что в стихотворных строчках он уже слышал, «видел» музыку. Ноты от знал, но песен своих не записывал никогда.

Работа над музыкой и стихами шла постоянно. На концертах он пел и играл по-разному, все время искал новые ритмы, новые музыкальные фразы. Случались и такие концерты, которые он тяжело переживал, но никогда, никому ни при каких обстоятельствах не жаловался и не винил публику. Правда, непонимание своих песен воспринимал мучительно, с болью, но сжигая обиды, принимался за новые. Он хотел быть понятым, что бы ни говорили сейчас по этому поводу.

Чтобы убедиться, что стихи и музыка слиты в едином образе, достаточно услышать песню «Абсолютный вахтер». Это вальс, но не беспечный и сентиментальный, а страшный, трагичный, безысходный и ассоциируется с механической, регламентированной схемой —

жесткой, тупой и агрессивной. Вальс становится символом определенной эпохи, документом своего времени. Здесь проявляется дар А. Башлачева обнажить сущность вещей. Патефон не просто старый, а пожилой «... собирает иглой ностальгический вальс». «С» на конце фразы растягивается, слышно шипение иглы, и возникает осязаемый художественный образ.

Отечественная рок-музыка многим обязана литературе. С самого начала своего рождения на нашей почве она шла от мощной литературной традиции, впрочем, как и классическая русская музыка XIX века. Поэтому такое колоссальное значение в нашей формирующейся рок-традиции имеет текст, литературное содержание. Надо отметить, что творчество Тютчева, Хлебникова, Блока, Брюсова, Маяковского, Ахматовой, Цветаевой, Пастернака, Заболоцкого... влияло и продолжает влиять на поэтическую основу рок-музыки. Что же касается музыкальных истоков, то была принята форма и освоена техника западной модели рок-музыки, разумеется, сначала через подражание.

Наши рокеры, если так можно сказать, шли тем же эволюционным путем, что и музыканты XIX века. Но путь этот мог бы быть более плодотворным, если бы с самого начала рок-музыку признали официально. Фактически отечественный рок был допущен на сцену, принят средствами массовой информации совсем недавно. Правда, далеко не всеми.

Любой авангардизм лишает устойчивости традицию и создает художественную новацию. Но чтобы создать новое, необходимо знать, что ломаешь, или вернуться к забытой, прерванной традиции. Башлачев сочинял поразительные по глубине и силе песни, уходящие корнями в языческую культуру Древней Руси. Некоторые композиции, например «Егоркина былина», звучат словно заклинание, наговор» Но сюжет былины включает в себя не только «преданья старины глубокой», а и мифологемы, идущие от реалий уже XX века. Так в шатрах, стоящих над рекой, в тереме, вышитых черным крестиком на цыганской шали, появляются космонавты, популярные артисты. Но «эkleктика» здесь оправдана. Башлачев не разрывает связь времен, он осознает непрерывность исторического процесса, живую «сцепляемость» событий и фактов.

Любопытная деталь — Саша всегда носил на шее колокольчики. На концертах они вторили гитаре, дополняя выступление различными смысловыми оттенками. То они были бубенцами коней, то это были колокола славы, то... «да что там у тебя звенит, какая мелочишка.»

Лес, огонь, вода, дым, ручей, поле... — составляющие образы космогонической структуры художественного мира, озвученного и одушевленного гитарой и звоном колокольчиков. «Небо над нами — это колокол без языка. Раньше язык был, но теперь небо пустое, и мы — рассыпанные по полю колокольчики...» — так объясняет А. Башлачев свою программную вещь «Время колокольчиков», ставшую гимном рок-движения.

Долго шли зноем и морозами.

Все снесли и остались вольными.

Жрали снег с кашею березовой.

И росли вровень с колокольнями.

Если плач — не жалели соли мы.

Если пир — сахарного пряника.

Звонари черными мозолями

*Рвали нерв медного динамика.
Что ж теперь ходим круг да около
На своем поле, как подпольщики?
Если нам не отлили колокол,
Значит, здесь время колокольчиков.
Загремим, засвистим, защелкаем!
Проберет до костей, до кончиков.
Эй, братва! Чуете печенками грозный смех
Русских колокольчиков?
И пусть разбит батюшка Царь-колокол.
Мы пришли. Мы пришли с гитарами.
Ведь биг-бит, блюз и рок-н-ролл
Околдовали нас первыми ударами.
И в груди — искры электричества.
Шапки в снег — и рваните звонче.
Свистопляс! Славное язычество.
Я люблю время колокольчиков.
Увы, сегодня колокольчики Башлачева умолкли. Друзья поэта собираются организовать ежегодный фестиваль имени А. Башлачева. Рок-группы готовы перечислить деньги на издание его книги стихов. Фирма «Мелодия» собирается выпустить пластинку. Бум уже начался. Обидно, Слишком поздно...
Короткую жизнь — семь кругов беспокойного лада
Поэты идут... и уходят от нас на восьмой...*

М. МЕЛЬНИЧЕНКО
"Музыкальная Жизнь" №18'1988